

Александр КАБАНОВ, г. Киев

Александр Кабанов – украинский поэт, редактор, общественный деятель, пишущий на русском и украинском языке. Автор 19 книг стихотворений и многочисленных публикаций в периодике. Лауреат украинских и международных литературных премий: «Antologia», премии журнала «Interpoezia», премии Национального союза писателей Украины им. Максимилиана Кириенко-Волошина. В 2024 году за книгу «The Age of Vengeance» стихотворений в переводах на английский стал обладателем Международной премии имени Эрнеста Хемингуэя (журнал «Новый свет», Торонто, Канада).

А ЭТО РОДИНА ОТЦА ПРИШЛА ЗА РОДИНОЮ СЫНА

Сегодня ночью я спокоен:
пусть кошка спит лицом ко мне,
как маленький китайский воин,
и улыбается во сне.

Спокоен я в автомобиле,
спешащем на приём к врачу,
ведь нас сегодня – не бомбили
и бог не погасил свечу.

Он отозвался с колоколен
своим утробным языком,
чтоб нас утешить: я спокоен
и нынче – не звоню по ком.

Вдоль переулка пахнет сдобой,
сбежавшим кофе – за углом,
и киев, окружённый злобой,
вдруг переполнился добром.

Вот, в парке раздают обеды
для беженцев и стариков,
весна, как время для победы
и для высоких облаков.

Пусть в мире – тесно от пробоин,
в которых слышен дальний свет,
пусть кошка спит – я так спокоен,
что улыбаюсь ей в ответ.

Где только не был я: в огне,
в воде на самом дне,
он всюду улыбался мне,
как будто верил мне.

Я эту жизнь видал в гробу,
и сквозь огонь с водой:
он дунул в медную трубу –
и я пошёл с трубой.

Через могилы – на вокзал,
mundштук прижав к губам,
я новый реквием играл
военным поездом.

За всех, оставшихся в строю,
с плакатов на стене –
он слушал музыку мою
и улыбался мне.

И горькая звучала медь
о том, что нет войне,
покуда он, поправший смерть,
вдруг не явился мне.

И в опустевший кинозал
нахлынул мир иной,
и самый главный мне сказал:
спасибо, дорогой.

* * *

А это родина отца:
в обрывках утреннего света,
но кто запомнит сорванца
из александровского лета?

Посёлок, швейная игла,
вокруг – портновские лекала,
а здесь цветаева жила,
стихи к ахматовой писала.

А это – русская зима,
чей школьный снег белее мела,
вот – фабрика, за ней – тюрьма,
в которой бабушка сидела.

Всё это – дом-музей поры,
когда я приезжал в россию,
чтоб вспомнить папины дворы,
марину и анastasию.

И выпить доброго винца,
но я давно летаю мимо:
ведь это родина отца –
меня оставила без крыма.

А папа мой лежит в земле,
он – пепел в погребальной урне,
он – память о добре и зле,
и о стране пошитых в дурни.

Как много в воздухе свинца,
и с кем воюет украина:
а это родина отца,
а это родина отца –
пришла за родиною сына.

* * *

Киев – это холмы, холмы,
я бы добавил ещё холмов,
бог – свежавыжатый свет из тьмы,
но не для наших с тобой умов.

А над холмами, где облака –
то капучино, то молочай:
киев – двойная река/река,
я обнимаю тебя, прощай.

И на перроне любви пустом,
в лодке харона, кляня финал:
я бы оставил нас, а потом –
я бы у смерти тебя отнял.

Хватит небесной на всех коры,
чтобы в растопку пустить миры,
киев – подол и его дворы,
полные лета и мошкары.

Киев – простуженная зима,
я бы ещё подогнал словес,
чтобы спуститься к тебе с холма
и, через реку, вернуться в лес.

Там, где пропитанные смолой,
спят жилмассивы – спина к спине,
словно пробиты одной стрелой
граждане киева на войне.

Не зарекаемся от сумы,
от идиотов с броневика,
киев – это дворы, холмы,
снова дворы и опять холмы,
а за холмами – река, река.

